

*С. Ю. Баранов, заведующий кафедрой литературы ВГПУ,
кандидат филологических наук, профессор*

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

(Поэма Ю. М. Зубова «На Юг!!»)

Поэтическое творчество было одним из проявлений многогранной личности Юлия Михайловича Зубова*. Большого художественного значения своим литературным трудам он, по-видимому, не придавал и служение музам главным делом своей жизни не считал. Для него, как для просвещенного дворянина, писание стихов являлось естественной формой существования в мире культуры, формой духовной самореализации, не предполагающей выхода на широкую читательскую аудиторию. Подобно другим членам большого семейства Зубовых, Юлий Михайлович охотно импровизировал в жанрах «усадебной поэзии», имевшей характер литературной игры и предназначенной для узкого круга родных, друзей и знакомых. Стихотворные поздравления, шуточные послания, мадригалы, здравицы были привычным видом культурного общения в этом кругу. Такого рода сочинения попадали затем в семейные альбомы или в домашний рукописный журнал «Кузнецовская хроника». Несколько опубликованных в «Вологодских губернских ведомостях» стихотворений Ю. М. Зубова имели общественное звучание, но опять-таки были адресованы не читателям вообще, а определенной категории публики, близкой автору. Стихи эти создавались по какому-либо знаменательному поводу в расчете на публичное произнесение. И печатались они не как самостоятельные произведения, а в составе отчетов и корреспонденций о каких-то публичных актах, имевших место в Вологде. Так, стихотворение «Великий день мы торжествуем...» было приурочено к празднованию очередной годовщины подписания «Манифеста» об отмене крепостного права в России и прозвучало в зале Городской думы [5]. Стихотворение «Идут года, и гаснут чувства...» произносилось как тост на обеде членов Вологодского общества любителей драматического и музыкального искусства, состоявшемся после итогового годового заседания [7]. Стихотворение «Дымится кровь на алтаре...», написанное как отклик на известие о гибели императора Александра II, было прочитано перед членами Вологодского дворянского депутатского собрания [3]. Примечательна в данном отношении судьба поэмы «Исповедь». Ю. М. Зубов посвятил ее С. В. Верещагину, брату известного художника-баталиста, погибшему во время третьего штурма Плевны в 1877 году. Несмотря на общественную актуальность содержания (участие России в борьбе за освобождение болгар от османского ига), она осталась неопубликованной. Произошло это, как можно предполагать, из-за личного, «интимно-семейного» тона, господ-

* Наиболее полный свод сведений о Ю. М. Зубове создан усилиями Н. В. Лукиной. (См.: URL: http://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_16.htm). Сведения из этого свода используются в данной публикации.

ствующего в ней. Тон этот роднил произведение с «усадебной» поэзией, адресованной ближайшему окружению автора. Зубовы с Верещагиными дружили и горе их переживали как свое собственное. Поэма была своеобразной данью этой дружбе, издание же произведения придало бы ему иное, «публичное» звучание, чего автор, вероятно, не хотел.

Поэма «На Юг!!» – случай иного рода. На фоне литературного творчества Ю. М. Зубова она выделяется уже тем, что автор выпустил ее отдельным изданием в Петербурге и, следовательно, рассчитывал на общероссийскую читательскую аудиторию. Об отношении автора к произведению говорит и его длительная творческая история: в подзаголовке указаны даты 1881–1890. (Один из этапов этой истории – упомянутое стихотворение «Дымится кровь на алтаре...», большая часть которого впоследствии была включена в текст поэмы.) Согласно объявлению на обложке, произведение продавалось не только в Кадникове, но и в «известных книжных магазинах» обеих столиц, однако заметным фактом литературной жизни оно не стало. Не удостоился признания как писатель и Ю. М. Зубов. Он был обойден вниманием критиков и историков литературы, о нем нет сведений в литературных энциклопедиях, псевдоним И. Волгин, под которым выходила в свет поэма «На Юг!!», в словаре псевдонимов И. Ф. Масанова не фиксируется, новейший биографический словарь «Русские писатели: 1800–1917 гг.», в котором есть статьи о забытых и полузабытых литераторах не только второго, но и третьего ряда, о Ю. М. Зубове также умалчивает.

Между тем поэма, о которой идет речь, была связана с примечательными тенденциями русской литературы и общественной мысли и в этом плане внимания заслуживает. По жанрово-тематическим характеристикам она может быть отнесена к разряду лирико-публицистических поэм, авторы которых выступают страстными адептами какой-либо общественно значимой идеи. У Зубова это идея культурно-политической переориентации России с Запада на Юг (на Восток)**. Отчетливое, концептуально оформленное выражение идеи особого, отличного от западного пути развития России впервые получила у славянофилов. При разработке этой идеи принципиальное значение приобрели два момента: 1) выявление черт, определяющих самобытность России и «сверхзадачу» ее исторического существования; 2) установление иных, западных ориентиров ее культурно-исторического развития. Мысль об «исходе на Восток» вызревала исподволь. Ее появление предвдарили экспедиции русских землепроходцев, деятельность противников Петровских реформ, проекты русских ученых по освоению природных богатств Сибири и Дальнего Востока, планы похода на Индию, будоражившие воображение Павла I.

** Культурно-исторические понятия Юг и Восток в европейской художественной и публицистической практике не имеют строгой географической определенности и в некоторых случаях могут быть взаимозаменяемы. Так, например, произведения Пушкина, ориентированные на образность «восточных поэм» Байрона, принято называть «южными поэмами». Поэма Зубова «На Юг!!», если попытаться географически более точно обозначить направленность авторских интересов с помощью морской терминологии, могла бы называться «На ост-зюд-ост!!» («На востоко-юго-восток!!»).

Вехи дальнейшего развития этой мысли были отмечены книгой Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», сочинениями К. Н. Леонтьева, утопическими образами «Белой Индии» в поэзии Н. А. Клюева, а после революции – теориями евразийства. Поэма Ю. М. Зубова вписывается в этот ряд.

Как произведение с публицистической установкой, она представляет собой текст, посвященный пропаганде идеи, которая заявлена в заглавии. Однако это текст не собственно публицистический, а литературный, и в нем используются образные средства, свойственные художественному творчеству. Поэме предпослан эпиграф из М. Ю. Лермонтова – стихотворение о сосне, которой снится прекрасная пальма. Первая строка известного поэтического произведения дана у Зубова в отличном от привычного читателю виде: вместо «На севере диком стоит одиноко» – «На севере дальнем стоит одиноко». Автор поэмы заменил установленный издательской традицией вариант лермонтовской строки одним из черновых вариантов [11: 294]. Смысл этой замены определяется содержанием произведения. Север в поэме «На Юг!!» изображен не как «дикий», он – носитель действенных, прогрессивных, цивилизующих начал. Слово же «дальний» в контексте произведения более уместно, так как соотносится с представлением автора о подлежащем преодолению разрыве между Севером и Югом.

Лермонтовская образность использована и в лирическом зачине поэмы, где дремлющий среди метелей и вьюг «одинокий» северный город грезит о далеком и прекрасном Юге. Город этот никак не назван, но, учитывая значимость примененного к нему авторского определения «мой», можно с большой долей вероятности предполагать, что это Кадников, с которым была тесно связана жизнь Ю. М. Зубова:

*Он со всех сторон
 Пустынной тундрой окружен,
 Бедно построен, не широко;
 Его дома не высоки;
 У вод болотистой реки
 Он приютился одиноко. <...>
 Там солнца луч едва проглянет –
 Озолотит верхи церквей,
 Да снег по кровлям зарумянит –
 И с неба прячется скорей.
 [2: 3]****

Пейзаж этот точных топографических привязок не имеет, но с реальным Кадниковым может быть соотнесен. Город стоит на заболоченной Присухонской низине, на берегу небольшой реки Содимы. Он действительно невелик: на исходе XIX столетия в нем, по данным словаря Брокгауза и Ефрона, насчитывалось около 1,5 тысячи жителей [14:878] (по другим сведениям – около 2,5 тысячи). Его архитектурный облик был довольно скромным: в основном

*** В дальнейшем текст поэмы цитируется с указанием страницы в квадратных скобках.

одно- и редко двухэтажные деревянные постройки, каменных зданий совсем немного, из них наиболее примечательны культовые – Николаевский собор, кладбищенская церковь Дмитрия Солунского, тюремная Богородская церковь, часовня Григория Пельшемского (их «верхи» и золотит редкий солнечный луч в поэме Зубова). «Одинокость» же и «бедность» Кадникова автором поэмы несколько преувеличены. Это был административный центр уезда, наряду с Вологодским и Грязовецким считавшегося «дворянским», в отличие от «крестьянских» Усть-Сысольского, Вельского, Тотемского, Никольского и Яренского уездов Вологодской губернии [10:193]. Через Кадников проходил оживленный Архангельский тракт, в городе устраивались ярмарки. Правда, в конце XIX–начале XX века свое торговое значение он постепенно утрачивал и жизнь в нем затихала. Но и несколькими десятилетиями ранее город мог считаться значимой величиной лишь по меркам мало- и редконаселенной Вологодской губернии. В масштабах империи власти квалифицировали его как глухомань, подходящую для местопребывания политических ссыльных. В произведении Зубова он овеян лирической теплотой, но географические пределы внутреннего мира поэмы, вмещающего в себя несколько континентов, столь грандиозны, что «удаленность», «одинокость», «бедность», «тихость», «погруженность в суету обычной жизни» выглядят как присущие ему атрибуты.

Конечно, для стороннего читателя ассоциации с Кадниковым особого значения могут и не иметь. Но для местного краеведения они представляют несомненный интерес, поскольку с образа северного городка в поэме «На Юг!!» начинается движение к идее, имеющей отнюдь не региональное, а широкое культурно-философское значение. По намеченной в поэме логике Кадников оказывается причастным к общенациональным интересам и даже в каком-то смысле становится образом-символом этих интересов.

Мотив сна в поэме позволяет установить еще одну лермонтовскую параллель. В стихотворении «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), в отличие от стихотворения «На севере диком...», не один, а два взаимонаправленных сновидения: лирическому герою снится она, ей снится лирический герой. Нечто подобное мы видим и в поэме Зубова, где дремлющему в снегах северному городу грезится наделенная индийской атрибутикой «роскошная» картина Юга, а южному городу явлен во сне прекрасный образ «чудного северного края». При этом обоим видениям в поэме приданы черты идеала. Это образы не столько реального, сколько вожделенного состояния.

Юг в грезах Севера – это тепло и свет, струящиеся непрерывным, «живым потоком с лазурных небес», это «величья полные картины лесистых склонов и долин», это «зеркальные водоемы» и «фигурных листьев кружева», искрящиеся на солнце, это «гроздь фруктов и цветов», это залежи драгоценных камней в недрах гор, россыпи жемчуга и кораллов на морском дне, это «толпы крылатые» кораблей, теснящихся у «заповедных берегов», это слоны на водопое, стаи диких птиц и обезьян, семейства «кровожадных» тигров, это «дворцы и храмы в своем уборе вековом», это пестрые толпы народа на площадях и пышные процессии, сопровождающие выезд раджи. По пафосу

восторженное повествование о прелестях Юга в поэме Зубова напоминает строки из оды Ломоносова 1747 года, где речь идет о подлежащих освоению территориях Дальнего Востока:

*Там, тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевою одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.*
[12:205]

Идеализированному описанию южных чудес, красот и богатств у Зубова противопоставлена реальная, не сновидческая картина палящей жары и вызванной ею чудовищного мора:

*...Все сушит, губит жгучий зной
И голод жителей изводит...
Взамен ликующих людей
Полуживые трупы бродят,
И ангел смерти в мир теней
Все жертвы новые уводит...*
[10–11]

Хотя картине этой автор придает обобщающий смысл (географически обусловленные бедствия Юга «вообще»), ей соответствовали и конкретные факты, имевшие место в современной Зубову действительности. В последней четверти XIX века, на которую приходится время написания поэмы, от следующих одна за другой волн массового голода в Индии погибли 26 миллионов человек [1:331]. Виной тому были не только климатические условия, но и политика британских властей, грабивших страну и опасавшихся роста освободительного движения. Однако Зубов в данной связи о колонизации по западному образцу не говорит, здесь его интересует коренное различие природных условий Севера и Юга. Колонизация становится предметом разговора позднее, в главке 35, где противопоставлены два исторически сложившихся пути освоения новых территорий – российский и западный.

Состояние мóрока, вызванное болезнью и зноем, порождает «чудный сон», в котором изображенный Зубовым южный город видит «северного друга». Друг этот располагает благами, недостающими обитателям «волшебной страны, где круглый год царит весна и день безоблачный сияет» и где, казалось бы, должна осуществиться мечта о земном рае. Оказывается, что на далеком Севере есть то, о чем благословенный Юг может лишь мечтать:

*...Отлогим скатом над рекой
Поля и нивы по долине
Цветут широкой полосой...
Тут жнут одни, другие косят,
Там вяжут снопы, там в скирды носят...*

<...>

*И знает Юг, товар какой
Шлет Север страждущему другу, –
То хлеб повсюду нагружен...
«Так вот где сила, – мыслит он... –
Там край другой, иные страсти...
Трудолюбив, могуч народ...
Он царь полей, лесов и вод,
И все его покорно страсти!»*

<...>

*Как там привольно! На просторе
Легко, свободно дышит грудь!
Когда б туда направить путь
И с трелью слиться в стройном хоре!..*

[13, 16, 17]

Но жизнь на Севере, так же как и на Юге, не может быть воплощением идеала во всей полноте. И здесь «силы мощные природы с несчетной массой даров шлют испытанья и невзгоды» в виде разрушительных наводнений, засух, зимних холодов, градобоя, неурожая, падежа скота, пожаров. Не склонный списывать все беды на счет природных стихий, Зубов значительное внимание уделяет нравственному состоянию российского общества, невысокий уровень которого в среде городского населения, по его мнению, объясняется бездумным следованием «призывам» европейской культуры.

Если же оценивать сложившееся положение дел в целом, то, согласно широко бытующему мнению, у Севера перед Югом есть преимущество, о котором за полстолетия до Зубова писал, отражая взгляды современных ему мыслителей, Лермонтов. В его стихотворении «Спор» противопоставлены Восток, где «род людской... спит глубоко уж девятый век», и призванный его разбудить, исполненный движения Север. Об этом противопоставлении упоминается и в рассматриваемой поэме, где в облике «гения Севера» представлен торгово-промышленный прогресс. Однако Зубов не придает этому противопоставлению сущностного значения. Вслед за Н. Я. Данилевским он относит его к разряду предрассудков, основанных на ложной убежденности в превосходстве европейской цивилизации над всеми существующими и существовавшими когда-либо типами цивилизаций [4:93]. Гений Юга трактован Зубовым как источник интеллектуальной и духовной деятельности, на Юге находится «родник научных знаний, начертанья понятий буквами, язык пирамид, храмов». Любопытен пример, который приводит Зубов в примечаниях, оспаривая мнение об отсталости и ущербности Юга: «Какой-то ученый индус,

читая в английском переводе «Теорию чистого разума» Канта, не мог сдерживать невольной улыбки и, когда его спросили, чему он смеется, он ответил: «Наивности автора этого сочинения, которое взамен философии дает одну азбуку общеизвестных соображений, вовсе не стоящих такого подробного изложения» [97]. Как своего рода парафраз главы IV из книги Данилевского «Россия и Европа» и в то же время как актуальные для нашей современности воспринимаются зубовские строки:

*Давно пора бы перестать
Нам над китайцами глумиться,
У них могли бы мы учиться
И можем многое занять...*
[85]

Вообще, между книгой Данилевского и поэмой «На Юг!!» немало точек соприкосновения. В частности, в ней можно уловить и отзвуки учения о культурно-исторических типах, наиболее оригинальной части наследия, оставленного Данилевским. Подобно автору «России и Европы», Зубов не склонен был применять к разным культурам одни и те же мерки, тем более использовать в качестве универсального критерия их оценки степень соответствия западноевропейской культуре.

Закономерно возникает предположение о прямом воздействии книги «Россия и Европа» на Зубова. Этот вопрос нуждается в специальном исследовании. Но автора поэмы с Данилевским могли связывать не только читательские впечатления. Данилевский провел в вологодской ссылке два года (1850–1852), в это время он сблизился с семьей Межаковых, неоднократно бывал в их имении Никольское, находившемся в том же Кадниковском уезде [13], что и имение Кузнецово, где с раннего детского возраста жил у тетки, а впоследствии и обосновался на правах владельца Юлий Михайлович. Большая разница в возрасте вряд ли способствовала общению ребенка Зубова и поглощенного губернатором, даже если им и доводилось встречаться. Но Данилевский бывал наездами в Вологде и Никольском и в последующие десятилетия, когда Зубов стал старше, поэтому вполне вероятны беседы между ними мировоззренческого характера. Что же касается рассказов о Данилевском людей, знакомых с ним, то Зубов мог слышать их на протяжении всей жизни.

Как художественное произведение, в котором важную роль играет эстетический элемент, на уровне непосредственного восприятия текст поэмы «На Юг!!», не производит впечатления строгой подчиненности определенному логическому заданию. Ему свойствен некоторый «лирический беспорядок», возникающий от того, что живое поэтическое чувство далеко не всегда соотнобразуется с велениями разума. Такого рода «беспорядок» был свойствен одам Ломоносова, сопоставимым, как уже отмечалось, по проблематике с поэмой Зубова. Но теоретики жанра утверждали, что беспорядок этот на самом деле – мнимый, ибо между строфами оды существует «тайная связь», которая обеспечивает произведению идейно-художественное единство [6:539]. Нечто по-

добное наблюдается и в поэме «На Юг!!» Ее текст разбит на четыре больших раздела, снабженных заголовками: «Юг и Север», «Пути к Югу», «Что нам нужно?», «Южные братья». Заголовки эти конкретизируют проблематику произведения в небольшой степени. Дополнительно текст поэмы разделен на 60 главок, обозначенных порядковыми номерами, но заголовков не имеющих. Цифровые обозначения на выражение смысла заметного воздействия не оказывают. В тексте есть пространные описания, ораторские пассажи, отступления от намеченной темы, смысловые перебои, способствующие созданию эффекта лирического беспорядка. Но в оглавлении каждая из главок названа, и названия эти способствуют установлению «тайной связи» между главками, намечают четкий пунктир, по которому движется мысль автора. По этому пунктиру можно составить если не полное, то довольно ясное представление о содержании произведения, о развитии его идеи. Становится явной мнимость «беспорядка». Поэма «На Юг!!» в композиционном отношении организована логически четко.

В первом разделе произведения речь идет о преимуществах и недостатках географического положения и климатических условий Севера и Юга, о возможности достижения идеала путем установления тесных связей между ними. Весь первый раздел, по сути дела, является развернутым изложением аргументов в пользу культурно-хозяйственной переориентации России. Итог, к которому подводит автор, таков:

*Взаимно нужны мы друг другу, –
Юг – Северу, а Север – Югу...
И нам полезней много раз
Обмен продуктов с дальним Югом,
Чем плата западным услугам
За то, что тут же есть у нас...
[25]*

Несмотря на приоритет, отдаваемый автором прагматическим соображениям, для него имеют значимость и эстетические аспекты взаимодействия:

*Для сердца, думы и мечты
Нам тот же Юг далекий нужен,
Как мысли – чистый идеал,
Цветку – лучи живого свету,
Художнику – оригинал
И вдохновение – поэту...
[27]*

Если же апеллировать к высшим духовным ценностям, то, напоминает автор поэмы, именно на Юге состоялось явление Христа человечеству.

Говоря об идейно-художественной организации поэмы Зубова, необходимо определить содержательную наполненность образов Севера и Юга в произведении. Север здесь четко ассоциирован с Россией, и направление движения в заглавии задано именно для нее. Что же касается Юга как сферы

культурных, экономических, конфессиональных и политических интересов России, то географические пределы этой сферы оказываются весьма широкими. Об этом ясно свидетельствуют названия главок последнего раздела поэмы «Южные братья»: «Славяне», «Палестина», «Медина и Солим»****, «Абиссиния»*****, «Судан», «Оман», «Индия», «Тибет», «Китай», «Япония», «Малайя», «Австралия», «Кораллада»*****. Правда, перечень этот является чем-то вроде программной установки на отдаленное будущее. Ближайшая перспектива определяется, как уже отмечалось, движением на востоко-юго-восток, через Сибирь и Среднюю Азию – к Индии, Китаю и Японии. Именно они видятся Зубову в качестве приоритетных партнеров России. Для обеспечения устойчивых и продуктивных контактов с ними Зубов предлагает грандиозный план работ по прокладке водных путей, соединяющих Волгу, Дон, сибирские реки так, чтобы окружной морской путь до Владивостока сократился вдвое, и чтобы благодаря водным магистралям был дан стимул для хозяйственного и культурного развития неосвоенных территорий.

*Широких рек в России много,
Будь только путь по ним открыт, –
Во все концы пройдет дорога
И жизнь повсюду закипит...*
[52]

Подобного рода планы не были для Зубова пустыми фантазиями, он принимал конкретные шаги по их осуществлению, учитывая при этом интересы и родной Вологодчины, и России в целом. Так, в конце 1860-х годов он добивался прокладки железной дороги от Вологды до Рыбинска, благодаря чему должны были значительно увеличиться масштабы хлебной торговли, а цены на хлеб (по крайней мере, на территории Русского Севера) понизиться [8].

Движение на Юг по предложенному Зубовым сценарию предполагало постановку и разрешение ряда важных и идейно острых вопросов. Таким был, например, затронутый в поэме вопрос о переносе столицы Российской империи. Столица для Зубова – не центр административно-бюрократического управления страной, она должна быть средоточием национальной жизни: источником идеалов, блюстителем чести и священных заветов народа. Немаловажной ее характеристикой, с точки зрения продвижения по определенному Зубовым маршруту, является и близость к пределам Азии. Петербург этим требованиям не удовлетворяет. Созданный некогда в расчете на установление прочных связей с Западом, он ныне утратил свое значение и вполне закономерно порождает недоумение: «разве нет теплей, и краше, и поцентральней городов?» Зубов называет несколько поволжских городов, соответствующих его представлениям о российской столице. Среди них – Нижний Новгород,

**** Медина – город на территории Саудовской Аравии, Солим – Иерусалим.

***** Абиссиния – Эфиопия.

***** Кораллада – Океания, совокупность островов в центральной и юго-западной частях Тихого океана.

Царицын. Вообще, вопрос о соответствии того или иного территориального центра своему статусу занимал Зубова в немалой степени. Он, например, полагал, что Великий Устюг имел больше оснований, чем Вологда, чтобы стать губернским центром*****.

В связи с освоением новых территорий по мере продвижения на Юг возникла и проблема колонизации. Касаясь ее, Зубов не преминул противопоставить два способа колонизации – западный и российский. Здесь он опять-таки солидаризировался с Н. Я. Данилевским, который, полемизируя с западными оппонентами, отказывался считать Россию завоевательным государством и утверждал, что «большую часть ее пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания» [4:43]. В поэме «На Юг!!» Зубов отмечает: если колонии западных стран – заморские, далеко отстоящие от «гнезда родного», то

*...Колониальная Россия
Вся вместе с нами – под рукой...*

<...>

*Благословенная природа
Хранит для русского народа
В одном кругу, в меже одной
В полмира полосу длиной...*
[51]

Но главное, может быть, даже не это. Кумир европейцев – капитал, служение которому лишено собственно человеческого содержания и ведет к тому, что «потомки кельтов, готов, галлов делят мир между собой», не сообразуясь с интересами народов, чью землю используют для собственного обогащения. Россия же руководствуется иными принципами, принципами «культурного труда»:

*...На наши новые владенья
Мы знамя светлое несем
Порядка, братства, единенья,
И наши силы и стремленья
Мы новым братьям отдаем...*
[51]

Западноевропейская цивилизация приобрела односторонний характер и неспособна быть двигателем прогресса в его широком, неутилитарном понимании. Ей на смену приходит другая, призванная оживить древние народы Азии, давно завершившие круг своего развития:

***** «...первое, что приходит на ум при виде Устюга, это вопрос: почему управление раскинувшейся отсюда во все стороны нашей губерниию не сосредоточено здесь, в ее центральном пункте, к которому сходятся отовсюду и водные и грунтовые пути, – почему губернским городом взамен Устюга избрана у нас Вологда – не в середине, а в самом углу губернии, на болотной низине и сравнительно ничтожной реке, едва доступной для судоходства?..» [9:7]

*И вот над миром поделенным
Взошла полночная звезда...*

<...>

*И край от Инда до Евфрата
Из Руси ждет вождя и брата,
Угрюмый, дикий и немой,
С полуживыми племенами...
Наш путь лежит его степями,
И с ним мы связаны судьбой...*

[48]

Пророчества Зубова относительно великой миссии, исторически уготованной России, имеют явную утопическую окраску и созвучны лирическому финалу книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Книгу эта завершает фрагмент стихотворения А. С. Хомякова «Ключ», где объединенное славянство во главе с Россией уподобляется широко разлившейся реке, к берегам которой приходят «чуждые народы», влекомые «духовной жаждой».

Поэма Зубова, исповедуя те же чаяния, завершается несколько иначе. Последние ее строки содержат обращенное к соотечественникам пожелание, чтобы на путях к лучшей жизни путеводной звездой для них служила «к бесценной родине любовь». Это не противоречит всему сказанному автором ранее, великая миссия России сомнению не подвергается. Однако финальные строки произведения, находясь в «сильной позиции», акцентируют, выдвигают на первый план определенный аспект ее идейной структуры: первоочередной целью, наиболее значимым результатом движения на Юг должно являться раскрытие потенциальных возможностей родной страны.

Основы будущего процветания, как полагал Зубов, заложены предшествующими поколениями, и задача заключается в том, чтобы блюсти неизблемость этих основ. По своим убеждениям он был монархистом и консерватором, что нашло отражение в его рекомендациях по поводу обустройства России:

*И что нам нужно? – Путь прямой,
Ученье веры православной,
Порядок братский и простой,
Семейной жизни всюду равный
Под твердой царскою рукой,
Единой и самодержавной...
Труд – не бесплодный ряд работ –
В латыни мертвой упражненье,
А тот, что к делу подойдет
И даст барыш в землевладенье...
Прогресс – не только на словах
И в формах внешности приличной,
А в производствах, ремеслах,*

*В торговле бойкой, заграничной...
Успех – не частный, единичный –
Прямой, в общественных делах...
[67–68]*

Поэма «На Юг!!» проникнута оптимизмом и жадной деятельностью на благо России. Ее автор дожил до 1922 года и был свидетелем трех революций, Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. И эти, и сотрясавшие страну позднее катаклизмы вряд ли отвечали его ожиданиям и надеждам. Вместе с тем идеи, воодушевлявшие автора поэмы, продолжали свое существование, невзирая ни на какие социально-исторические очевидности, побуждавшие сомневаться в их жизнеспособности. В трансформированном, откорректированном духовным опытом XX столетия виде они продолжают существовать и сейчас. Это дает повод вспомнить и об одном эпизоде их бытования на территории Вологодского края, о забытой (думается, незаслуженно) поэме Юлия Михайловича Зубова «На Юг!!»

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1979.
- 2 Волгин И. <Зубов Ю. М.> На Юг!! (1881–1890). – С-Пб., 1890.
- 3 Вологда 14-го марта // ВГВ. Часть неофициальная. – 1881. – 30 марта. – № 25.
- 4 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М., 2010.
- 5 19 февраля 1880 года в Вологде // ВГВ. Часть неофициальная. – 1880. – 22 февраля. – № 15.
- 6 Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – Т. 7. – С-Пб., 1872.
- 7 Заметка о деятельности Вологодского общества любителей драматического и музыкального искусств // ВГВ. Часть неофициальная. – 1880. – 10 июля. – № 53.
- 8 Записка члена бывшей Вологодской комиссии по вопросу о железной дороге Ю. М. Зубова (читанная им в Ярославском губернском земском собрании 4 июня 1869 года) // ВГВ. Часть неофициальная. – 1869. – 19 июля. – № 29.
- 9 Зубов Ю. М. Поездка по Вологодской губернии. Путевые впечатления Ю. М. Зубова. – Вологда, 1911.
- 10 Иваницкий Н. А. Письмо из Кадников (Вол. губ.) // Живая старина. – 1891. – № 3 (примечание).
- 11 Лермонтов М. Ю. Соч.: В шести томах. – Т. 2. – М.; Л., 1954.
- 12 Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. – Т. 8. – М.; Л., 1959.
- 13 Шафранова О. Его называли солью земли русской // Дворянское собрание (Историко-публицистический и литературно-художественный альманах). – Вып. 5. – М., 1996.
- 14 Шокальский Ю. Кадников // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Т. 26. – С-Пб., 1894.